

названо провозглашеніемъ разума, вступающаго въ свое царство, проповѣдью вѣротерпимости“.

А какъ же съ романтической школой и освобожденіемъ чувства отъ разума? (см. выше).

Стр. 63 слл. посвящены комедіи. Въ примѣчаніи (стр. 63) дается невѣрное толкованіе греческому названію комедіи, а въ текстѣ авторъ пишетъ о *люэстраданіяхъ*: это слово можетъ, какъ мнѣ кажется, дать невѣрное представленіе о сущности жанра, да и вообще оно не совсѣмъ обычно.

И. Анненскій.

*И. О. Анненскаго. ТѢАТРЪ Еврипида. Полный стихотворный переводъ съ греческаго всѣхъ пьесъ и отрывковъ, дошедшихъ до насъ подъ этимъ именемъ. Въ трехъ томахъ, съ двумя введеніями, статьями объ отдѣльныхъ пьесахъ, объяснительнымъ указателемъ и снимкомъ съ античнаго бюста Еврипида. Томъ первый. С.-Пб. Годъ не обозначенъ. VII + 3 (нен.) + 628 стр. 8° Цѣна 6 руб.

Въ виду того, что капитальный трудъ И. О. Анненскаго уже достаточно оцѣненъ въ русской ученой и журнальной критикѣ, мы остановимся только на тѣхъ его сторонахъ, которыя были освѣщены этой критикой недостаточно отчетливо.

Переводчикъ древняго писателя вообще встрѣчается въ своей легкой работѣ съ такого рода затрудненіями, которыхъ не знаетъ, или почти не знаетъ, переводчикъ авторовъ новыхъ и новѣйшихъ временъ. Послѣднему въ огромномъ большинствѣ случаевъ достаточно имѣть хорошее, исправное изданіе переводимаго текста, и если его работа не преслѣдуетъ какихъ-либо особыхъ, специальныхъ цѣлей, не выходитъ за предѣлы беллетристики, то отъ него требуется только добросовѣстная передача подлежащаго текста; если это — поэтъ, то при этомъ задача конечно нѣсколько осложняется, и отъ хорошаго переводчика читающая публика ждетъ (и правильно!) — поэтическаго дарованія, чтобы красоты оригинала производили болѣе полное, цѣльное впечатлѣніе.

Значительно труднѣе задача переводчика „антиковъ“. Конечно, и онъ можетъ упростить свою задачу: взять хорошую „вульгату“ текста (а это значить уже сразу отказаться отъ самостоятельнаго, дивинаторскаго проникновенія въ переводимый текстъ, и „iurare in textum editoris“), и передать ее по возможности точно; если переводится поэтъ, то желательна и метрическая передача, но только при томъ условіи, если переводчикъ владѣетъ необходимыми индивидуальными данными; при

ихъ отсутствіи мы всегда предпочтемъ добросовѣстную прозу перевода неуклюжимъ „метрамъ“, которые могутъ только исказить впечатлѣніе поэтической античности. Это будетъ трудъ добросовѣстный, но конечно — обыкновенный. Надобно впрочемъ сознаться, что наша русская литература далеко не богата такими „добросовѣстными“ переводами, которые все же требуютъ хорошаго знанія античныхъ языковъ; наши отечественные переводчики пытаются обыкновенно замѣнять это все болѣе и болѣе рѣдкое знаніе смѣлостью въ обращеніи съ оригиналами, въ „справедливомъ“ расчетѣ на то, что обыкновенная публика, благодаря гладкости перевода, не пойметъ „сути“ дѣла, да и придираться къ переводчику не станеть.

Но переводчикъ можетъ взглянуть на свою задачу и болѣе идеально, особенно такой, который самъ долго и любовно изучалъ античность, и по эрудиціи стоитъ на высотѣ современныхъ требованій нашей науки. Ему извѣстно, какаѣ судьба постигала текстъ писателей и въ самой древности, въ рукахъ разныхъ „дюреевцовъ“, „эмендаторовъ“, „рекогниторовъ“ и т. п., — и особенно въ болѣе позднее время; онъ знаетъ, что и наилучше аккредитованная „вulgата“ есть только попытка приближенія къ оригиналу; ему извѣстно, что самый оригиналъ не отдѣлимъ отъ своей эпохи, обусловленъ ея вѣяніями и традиціями, помимо еще творческой личности его автора; онъ знаетъ, что такой оригиналъ необходимо понять глубоко и всесторонне — ранѣе перевода, продѣлать цорою длинный рядъ штудій надъ текстомъ, чтобы изподъ позднѣйшихъ напластованій и деформаций извлечь и мысль и образъ оригинала, — и многое другое, что превращаетъ работу такого переводчика въ ученый трудъ, дѣлаетъ переводчика прежде всего экзегетомъ его текста, а самый перевод болѣе или менѣе яснымъ и краснорѣчивымъ комментариемъ оригинала.

А въ данномъ случаѣ предстояло съ этой точки зрѣнія перевести *поэта*; и такого, какъ *Еврипидъ*, творчество котораго стоитъ совершенно особнякомъ среди античныхъ трагиковъ, съ его философствующимъ реторизмомъ, съ его смѣлымъ новаторствомъ, съ его трудной и капризной фразеологіей.

Громадное вліяніе Еврипида на позднѣйшій и античный и европейскій театръ, его значеніе въ исторіи всемірной литературы, и его малая извѣстность въ нашемъ отечествѣ, несмотря на неоднократныя попытки передачи его отдѣльныхъ трагедій Водовозовымъ, Шестаковымъ (П. Д.), Тихоновичемъ, Котеловымъ и т. п., уже не говоря о такихъ „смѣлыхъ“ переводчикахъ, какъ Мережковскій, Алексѣевъ

и имъ подобныя, несмотря на рядъ отдѣльныхъ статей объ Еврипидѣ (см. Указатель *Прозорова* стр. 45 сл.), — все это могло быть достаточнымъ поводомъ къ труду, *первый томъ* котораго мы теперь получили; задача почтеннаго переводчика — или вѣрнѣе — „sospitator'a“ Еврипида — дать не только „переводъ“, но подарить русской интеллигенціи „русскаго Еврипида“, во всемъ его объемѣ, въ надежнѣйшей передачѣ, и съ необходимыми историко-литературными поясненіями.

Такіе труды предпринимаются обыкновенно лишь однажды въ жизни, и составляютъ ея задачу.

Переводчикъ, какъ античный „мистъ“, прошелъ всѣ стадіи „посвященія“ и только послѣ длиннаго ряда „благочестивыхъ приготовленій“ въ видѣ солидныхъ этюдовъ, статей и опытовъ въ русскихъ повременныхъ изданіяхъ, и отдѣльно, приступилъ къ своему дѣлу.

При сличеніи его перевода съ оригиналомъ, мы, какъ и ожидали, не могли опредѣлять его „вульгаты“: видно было, что у переводчика были подъ руками всѣ главнѣйшіе „аппараты“: Кирхгоффа, Наука, Веклейна, Принца и др., и видно, что въ каждомъ „вариантѣ“ имъ отдавался себѣ строгій отчетъ, какъ-будто онъ хотѣлъ дать читателю — переводъ, а филологу — критическую рецензію текста.

О качествахъ перевода — много говорить не приходится. Что онъ *отвѣчаетъ* подлиннику — этого мы и ожидали, и это мы и нашли. Говорить о его безукоризненной вѣрности — совершенно бесполезно: за это порукой многолѣтняя опытность переводчика, принадлежащаго къ филологамъ старой школы, филологамъ, ученикамъ такихъ эллинистовъ, какъ Люгебиль и Ернштедтъ, учившихъ „понимать“ текстъ *вглубь*, а не *на поверхность*.

Но мы нашли и нѣчто другое.

Для переводчика стихами античнаго текста является большимъ соблазномъ „поддѣлать“ античные метры, разсчитывая, что на ухо современной публики напримѣръ — шести-ударный тоническій ритмъ сойдетъ за античный *сенаръ*; нашъ переводчикъ этой ошибки не сдѣлалъ; ямбическій триметръ, который особенно въ длинныхъ диалогическихъ партіяхъ, въ русской оболочкѣ *à la longue* можетъ прискучить, замѣненъ имъ пятистопнымъ ямбомъ съ цезурой-діэрезой послѣ второго акта, т. е. стихомъ, хорошо усвоеннымъ русской метрикой и вовсе не утомительнымъ, притомъ отлично обработаннымъ нашими корифеями, въ родѣ Пушкина и Лермонтова; чередованіе *каталектовъ* и *гиперкаталектовъ* дѣлаетъ этотъ ритмъ только болѣе разнообразнымъ и музыкальнымъ, а слѣдовательно для перевода антич-

ной драмы — болѣе подходящимъ. Въ лирическихъ партіяхъ переводчикъ примѣняетъ и другіе метры, примѣняя, гдѣ нужно *риому* (*homoeoteleuton*), такъ что эта модернизация, по нашему мнѣнію необходимая при передачѣ античной лирики на русскій „ладъ“, только усиливаетъ впечатлѣніе художественной передачи оригинала. Рабская погоня за полиметрией античнаго текста здѣсь была бы ошибкой, такъ какъ тоническими размѣрами эта полиметрия не передается.

Что переводчикомъ отлично переданъ „*πάθος*“ сильныхъ мѣстъ оригинала, это замѣтитъ всякій читавшій Еврипида въ подлинникѣ: особенно понравились намъ: потрясающая сцена прощанія Алкестиды съ семьей („Алькеста“), рассказъ вѣстника о трагической смерти Креузы и царя Креонта („Медея“), такой же рассказъ о смерти Ипполита („Ипполитъ“), и нѣкоторые другіе.

Иной тонъ пришлось взять почтенному переводчику въ „Киклопъ“, котораго текстъ очень важенъ въ историко-литературномъ отношеніи, какъ единственный цѣльный образецъ „сатиродрaмы“, но который — безспорно самая слабая вещь изъ твореній Еврипида; ни его талантъ, ни талантъ почтеннаго переводчика не въ жанрѣ этой пьесы.

Одинъ только упрекъ да простить намъ переводчикъ: это — нѣкоторая модернизация, сказывающаяся въ большомъ количествѣ „ремарокъ“ въ текстѣ перевода, совершенно отсутствующихъ въ оригиналѣ. Онѣ могутъ быть нужны для неопытнаго актера, который будетъ исполнять ту или другую роль; для опытнаго артиста — онѣ уже пожалуй — стѣсненіе; а на неопытнаго читателя онѣ, чего добраго, произведутъ не то впечатлѣніе, какое необходимо, особенно если онѣ приметь ихъ за „античность“. Даже хорошія изданія Шекспира и переводы его довольно скупы на эти ремарки, а впечатлѣніе отъ текста и безъ нихъ очень сильное. А на опытнаго читателя Еврипида эти обильныя „ремарки“ дѣйствуютъ порою, какъ будто даже немного раздражающе... Мы конечно далеки отъ мысли навязывать почтенному переводчику это свое мнѣніе: онъ и самъ зналъ, что дѣлалъ, и намѣреніе его было несомнѣнно самое благое: подчеркнуть „*ῥῆθη* и *πάθη*“ текста для тѣхъ, кому все это въ оригиналѣ недоступно.

Привѣтствуемъ отъ всей души этотъ капитальнѣйшій за послѣднее время вкладъ въ нашу переводную литературу; пожелаемъ автору необходимыхъ силъ и спокойствія для благополучнаго завершения его нелегкаго труда, за который образованные читатели должны быть ему глубоко благодарны.

И. Холодильскій.